

Чтобы лучше поддержать Ся Жуань, Лу Цинцзюэ подал заявление на смену комнаты и перевёл Ся Жуань к себе.

Лу Цинцзюэ не любил жить с другими людьми, да и Лу Цы не позволил бы ему делить комнату с посторонними, поэтому, когда он только перевёлся, школа выделила ему одноместную комнату.

— Лу Цинцзюэ, — Ся Жуань сидел на постели Лу Цинцзюэ и смотрел на сидевшего напротив парня, который закатывал рукава, застилая для него кровать. — Почему ты так хорошо ко мне относишься?

Движения Лу Цинцзюэ слегка замерли. Сначала Ся Жуань услышал тихий смешок, а затем парень ответил:

— Из-за симпатии.

— Потому что ты мне нравишься.

Ся Жуань замер. Он уже учился в выпускном классе, ему исполнилось семнадцать, он вовсе не маленький ребёнок.

Лу Цинцзюэ сказал, что испытывает симпатию?

Он ему нравится?

Чем он вообще может кому-то нравиться?

Даже в собственном доме он был лишь лишним человеком, который никому не нужен.

Но только что Лу Цинцзюэ сказал, что он ему нравится.

Будто чья-то рука легко и ненавязчиво царапнула по самому сердцу, вызывая щемящее чувство.

Лу Цинцзюэ вырастил немало питомцев и прекрасно знал, как заставить их зависеть от себя. Попадая в новую обстановку, животные чаще всего испытывают страх, им необходимы утешение и поддержка.

Поразмыслив, Лу Цинцзюэ достал из кармана ещё одну конфету и на этот раз заботливо развернул фантик, прежде чем протянуть её Ся Жуань:

— Теперь это твоя комната, я твой сосед, и я буду о тебе заботиться.

Эти слова были почти точь-в-точь теми же, что он сказал, когда впервые завёл кота.

Теперь это твой дом, а я твой хозяин. Ты должен быть послушным и не злить меня, понимаешь?

Ся Жуань всё-таки не был маленьким котёнком и не зависел от него всецело, поэтому Лу Цинцзюэ выразился мягче:

— Ты должен быть послушным.

Помолчав, он добавил:

— Только те, кто послушен, получают конфеты.

Ся Жуань ничего не понял.

Лу Цинцзюэ стоял перед ним, глядя на него свысока, и на протянутой ладони лежала конфета. Выражение его лица было столь серьёзным, будто он давал какое-то торжественное обещание.

— Жуань-жуань, съешь конфету.

С самого детства Лу Цы учил его: «А Цзюэ, если ты съел то, что я тебе дал, значит, ты стал моим. С того самого момента, как ты принял от меня хомяка и вложил свою руку в мою, ты принадлежишь мне, навсегда».

Ся Жуань не стал слишком долго раздумывать, взял конфету с ладони Лу Цинцзюэ и положил в рот.

Лу Цинцзюэ убрал руку, легко улыбнулся, слегка приподняв уголки губ, и с довольным видом произмолвил:

— Жуань-жуань такой послушный.

От этих слов у Ся Жуань покраснело лицо.

Побыв ещё немного в комнате, они вернулись в класс. Когда они сели на свои места, Ся Жуань всё ещё пребывал в каком-то оцепенении: прошло совсем немного времени, а ему казалось, что между ним и Лу Цинцзюэ возникла незримая связь.

Он скосил глаза на Лу Цинцзюэ.

Лу Цинцзюэ улыбнулся, и его глаза превратились в полумесяцы.

Ся Жуань резко отвернулся. В его голове звучала та самая мягкая улыбка Лу Цинцзюэ, сердце сбилось с ритма и отчаянно колотилось, а из глубин души поднималась и разливалась сладкая волна.

Она была слаще той молочной конфеты, что он только что съел.

Ся Жуань закусил губу, вспомнив фразу, которую когда-то где-то прочитал:

«Чтобы полюбить человека, возможно, требуется всего одна секунда».

Тринадцатая глава: Я выпью за него

По будням, кроме учеников на дневном отделении, никому не разрешалось покидать территорию школы.

Солнце палило в зените, цветы и трава у дороги поникли от зноя, казалось, даже сам воздух вот-вот закипит.

У школьных ворот стоял парень лет пятнадцати-шестнадцати, очень красивый и утонченный, с рюкзаком за плечами и двумя стаканчиками с молочным чаем в руках.

Ся Чжу закусил губу и жалобно заглядывал в глаза охраннику:

— Дядя, я только отнесу брату стаканчик молочного чая, всего на минутку, пустите меня внутрь, пожалуйста.

Охранник остался непреклонен:

— Нельзя.

В глазах Ся Чжу мгновенно блеснули слёзы, казалось, в следующую секунду они хлынут ручьем:

— Дядя, посмотрите на меня, я же не буду устраивать беспорядки, пустите меня.

Охранник мог быть строг с учениками, которые целыми днями сбегали из школы ради

компьютерных клубов, мог ругать зачинщиков беспорядков, но как он мог рассердиться на такого милого и послушного ребёнка?

Никак.

Злиться у него не получалось.

Но правила школы были строги, и он ничего не мог поделать. Они немного поспорили, и когда Ся Чжу понял, что охранник и не думает пропускать его внутрь, его губы дрогнули, и из глаз закапали крупные слёзы.

Охранник отроду не видел ничего подобного и тут же растерялся. Он зашевелил губами, не зная, что и сказать — его собственные дети никогда так перед ним не ревели.

— Эй... не плачь, не надо плачь, — в полном замешательстве охранник принялся вытирать слёзы с лица Ся Чжу. — Я же на тебя даже не кричал, чего ты ревьёшь?!

У Ся Чжу покраснели глаза, слёзы продолжали капать. Он поднял руку, размазывая их по щекам, и продолжил всхлипывать.

— Ты к брату пришёл, да? — охранник действительно был бессилен. Если оставить этого ребёнка здесь ещё хоть ненадолго, окружающие решат, что он торгует людьми. — Перестань пласть, скажи мне, как зовут твоего брата.

Ся Чжу всхлипнул:

— Ся... Ся Жуань.

— Моего брата зовут Ся Жуань.

Когда Лу Цинцзюэ вывел Ся Жуань к школьным воротам, Ся Чжу как раз пил молочный чай из стаканчика. Увидев Ся Жуань, он радостно засиял, тут же соскочил со стула и бросился вперёд с возгласом:

— Брат!

Однако бросок вышел впустую.

Лу Цинцзюэ обхватил Ся Жуань за талию и решительно оттянул на пару шагов в сторону. Ся Чжу опешил, не добежав до цели, а следом раздался холодный и недовольный голос:

— Он повредил ногу, держись от него подальше.

Ся Чжу обернулся и увидел парня с холодным выражением лица. На мгновение его глаза отразили вспышку восхищения, но затем он сжал кулаки, опустил взгляд на лодыжку Ся Жуань и обеспокоенно спросил:

— Брат, ты в порядке? Что с ногой? Кто тебя обидел?

Ся Жуань спросил его:

— Зачем ты пришёл?

Его голос звучал сухо и равнодушно, так, будто перед ним стоял совершенно чужой человек.

Ся Чжу обиженно опустил голову и протянул ему молочный чай:

— Я... я принёс тебе молочный чай.

Лу Цинцзюэ наблюдал за ними, и Ся Жуань не хотел, чтобы тот счёл его бессердечным. Он взял стаканчик, но пить не стал:

— Можешь идти обратно.

<http://bllate.org/book/26607/3186173>